

ТЕМА НОМЕРА

**СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ**

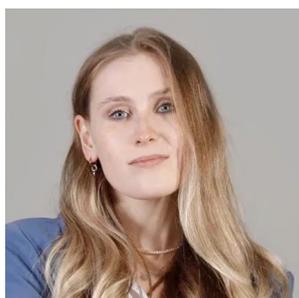
DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3

EDN: XQRQOZ

**Объективная и субъективная бедность в России:
что принесли последние 20 лет**

Ссылка для цитирования: Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д., Мареева С. В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

For citation: Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

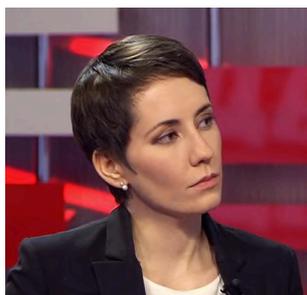

SPIN-код: 7806-1000

**Белопашенцева
Полина Владимировна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

pbelopashentseva@hse.ru

SPIN-код: 6505-0801

**Слободенюк
Екатерина Дмитриевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

eslobodenyuk@hse.ru

SPIN-код: 6931-7215

**Мареева
Светлана Владимировна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена изменениям масштабов и качественных особенностей объективной и субъективной бедности в российском обществе в последние 20 лет. На основании данных общероссийских эмпирических исследований, проведенных ФНИСЦ РАН в 2003, 2013 и 2023 гг., прослежена динамика численности объективно и субъективно бедных россиян, зоны пересечения этих групп, условий их жизни, восприятия ими своего положения и представлений о будущем страны. Полученные результаты свидетельствуют о произошедшем за последние 20 лет заметном сокращении как объективной бедности (по уровню доходов), так и субъективной бедности (по самооценке своего материального положения) среди россиян, которое в основном пришлось на первую половину указанного периода. Сокращение долей объективной и субъективной бедности сопровождалось их расхождением между собой. В итоге, все меньшая доля россиян оказывается в зоне бедности одновременно по двум этим измерениям, а портреты и особенности этих групп различаются все больше. Объективно бедные меньше отличаются по оценкам своего положения и возможностей в разных сферах от населения в целом, что говорит, с одной стороны, об относительно неглубоком характере бедности по доходам, а с другой – о скромном уровне жизни «типичного россиянина». Субъективно бедные характеризуются более заметными отличиями от населения в целом, в частности – негативными оценками многих сфер своей жизни. Схожая ситуация наблюдается с социально-психологическим самочувствием представителей этих групп: хотя за прошедшие 20 лет оно улучшилось как среди бедных по доходам, так и среди бедных по самооценке, положительные изменения в первой группе происходили быстрее. В итоге, бедные по самооценке характеризуются более высоким сравнительно с остальными россиянами уровнем пессимизма и тревожности. В отношении же оценок пути развития России и объективно, и субъективно бедные мало отличаются от остальных россиян, демонстрируя общественный консенсус: население верит в светлое будущее для страны, но при условии ее особого пути, позволяющего обеспечивать социальную стабильность. Наконец, важно отметить несводимость субъективно бедных к пенсионерам: данные подтверждают, что эта группа гетерогенна по своему составу, что определяет отсутствие четкого портрета и невозможность выделить ее как «единого адресата» социально-экономической политики.

Ключевые слова: социология, бедность, субъективная бедность, бедность по доходам, социальный статус, социальное самочувствие, социально-экономическое благополучие

Введение

Задача преодоления бедности в России не теряет своей актуальности, о чем свидетельствует и постоянное присутствие этого вопроса в социально-экономической повестке развития страны. Не стал исключением и последний Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., согласно которому уровень бедности должен быть снижен до менее 7% к 2030 г. и менее 5% – к 2036 г.¹

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=4> (дата обращения: 13.07.2024).

На 2023 г. граница бедности для населения страны в целом была установлена на уровне 14 375 руб.¹ Согласно предварительным оценкам Росстата, среднедушевые доходы ниже этой границы имели 8,5% населения, что является историческим минимумом данного показателя. Доля бедных показала очень заметную нисходящую динамику за последние 20 лет, снизившись практически в два раза за период 2003–2013 гг. (с 20,3 до 10,8% соответственно), и затем, после этапа роста в 2013–2015 гг., до 8,5 в 2023 г.²

Состав и структура группы бедных все это время оставались в фокусе исследований научного сообщества. Сравнительно меньше внимания, однако, получала субъективная бедность, выступающая как еще одним измерением многомерного феномена бедности, так и показателем социального неблагополучия населения. Оценки соотношения масштабов и качественных особенностей объективной и субъективной бедности важны, поскольку позволяют говорить о том, приводит ли сокращение объективной бедности к соответствующему снижению субъективного неблагополучия, сближаются ли или расходятся жизненные ситуации объективно и субъективно бедных между собой. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Теоретико-методологические основы исследования. Методология и эмпирическая база

Проблеме объективной бедности посвящено достаточно большое количество работ как зарубежных, так и российских авторов. Ключевые направления исследований в данном проблемном поле в современной России – это динамика бедности, изменение состава группы, сравнение результатов применения различных подходов к определению бедности, бедность отдельных социальных групп, а также факторы, приводящие к попаданию в разные формы бедности [2; 3; 6; 8; 9; 11; 14; 15; 16]. Отдельно нужно отметить также комплексное исследование бедности, проведенное около десяти лет назад коллективом Института социологии РАН. В нем затрагивались не только объективные особенности положения группы бедных, но и вопросы восприятия ими своего положения, вектора развития страны, особенности норм, ценностей и установок [1]. Данная статья частично продолжает эту работу с учетом изменений, произошедших в обществе за последнее десятилетие.

Для выделения *объективной бедности* мы отталкиваемся от официального подхода к ее определению, опираясь на соотношение доходов с прожиточным минимумом. К сожалению, возможности инструмента-

¹ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007> (дата обращения: 13.07.2024).

² ФСГС РФ. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) по Российской Федерации, в процентах от общей численности населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UROV_51.xlsx (дата обращения: 17.05.2024).

рия не позволяли четко определить структуру домохозяйства, поэтому использовался показатель среднемесячного подушевого дохода в домохозяйстве и оценивалось его соотношение с официально установленным региональным прожиточным минимумом с учетом года и месяца проведения обследования.

Субъективная бедность представляет собой принципиально иную концепцию, вырастающую из проблематики субъективного социального благополучия. Исследования субъективной бедности в России чаще выступают частью анализа общей модели субъективной стратификации и факторов субъективного социального статуса, нежели самостоятельным предметом исследования [5; 7; 13]. При этом в зарубежной литературе эта тема изучается достаточно давно и активно. Рассматриваются как методологические вопросы использования субъективных оценок при измерении бедности [18; 22], так и эмпирические особенности соотношения объективного и субъективного статуса индивидов в различных социально-экономических условиях, в том числе непосредственно среди бедных [19; 20; 24; 26]. Особый интерес для нашей работы представляют исследования, посвященные особенностям соотношения объективного и субъективного измерений бедности [17; 21; 23; 25; 27], которое, судя по результатам, имеет яркую страновую специфику.

Для выделения *субъективной бедности* с учетом возможностей инструментария была использована самооценка респондентами своего материального положения. Оценившие свое материальное положение как плохое были отнесены в группу субъективно бедных. Такой подход отличается от встречающегося в литературе выделения субъективно бедных по вертикальной шкале от 1 до 9 или 10, отражающей самооценку положения в обществе в границах «бедность–богатство». Однако оценка материального положения позволяет выделить тех, кто субъективно ощущает нехватку средств.

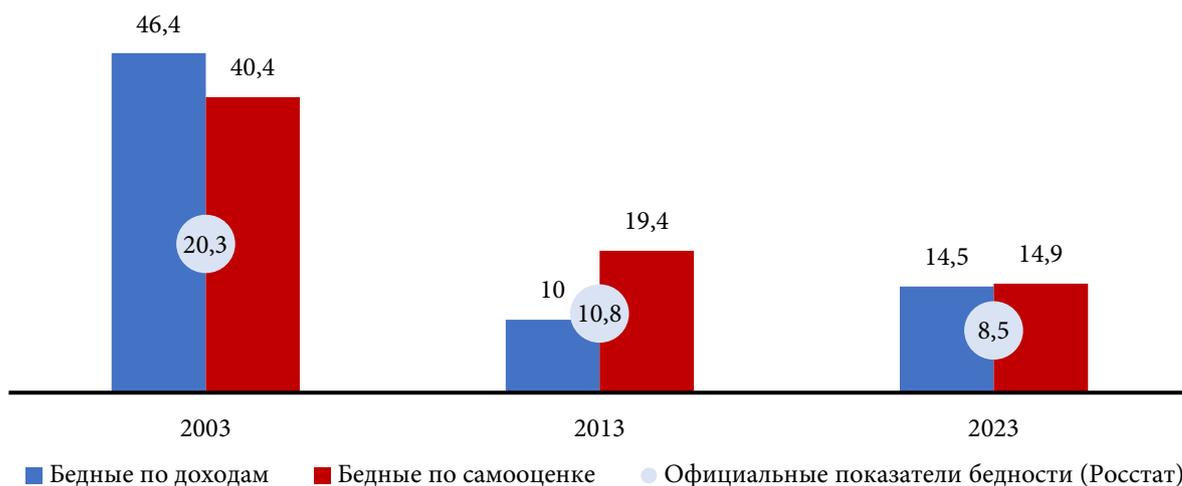
Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в ходе общероссийских исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ранее – Институтом комплексных социальных исследований РАН и Институтом социологии РАН) в 2003, 2013 и 2023 гг. и охвативших, тем самым, двадцатилетний период развития страны. Все исследования проводились по однотипной выборке, хотя и разной численности¹, а их инструментарий содержал большой блок повторяющихся вопросов, что дало возможность корректного сопоставления данных за разные годы.

---

¹ Исследование «Богатые и бедные в современной России» проводилось в марте 2003 г., n = 2106; исследование «Бедность и бедные в современной России» проводилось в апреле 2013, n = 1600; 14 волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» проводилась в июне 2023 г., n = 2000. Модель выборок этих исследований была единой: они репрезентировали население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, образованию и типу поселения.

Численность и состав объективно и субъективно бедных в российском обществе

Если начало этого столетия ознаменовалось сравнительно высокими показателями бедности, то к 2023 г. бедность значительно снизилась как в объективном, так и субъективном выражении, причем основные изменения пришлось на 2003–2013 гг., в то время как в следующие десять лет динамика была менее значительной (рисунок 1).

Рис. 1. Динамика численности бедных по доходам, бедных по самооценке и официальные показатели бедности по данным Росстата¹, 2003–2023 гг., %

Figure 1. Dynamics of the number of income poor, self-assessed poor and official poverty indicators according to Rosstat data, 2003–2023, %

Важно отметить расхождение динамики и масштабов объективной бедности по данным выборочных опросов с официальными данными. По данным используемых нами обследований ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, снижение бедности по доходам с 46,4% в 2003 г. до 10% в 2013 г. предшествовало ее росту в следующее десятилетие (до 14,5% в 2023 г.), тогда как по официальным данным снижение происходило последовательно и привело к минимальному показателю в 2023 г. Наблюдаемая ситуация расхождения оценок достаточно типична в силу методологических особенностей оценки доходов и структуры выборки [16]. Тем не менее, полученные оценки на основе опросных данных близки к оценкам других исследований². При этом в 2013 г. официальные и опросные оценки бедности по доходам были достаточно близкими, чего нельзя сказать о ситуации в 2003 и 2023 гг.: масштабы бедности по данным опросов в эти годы были выше официальных показателей.

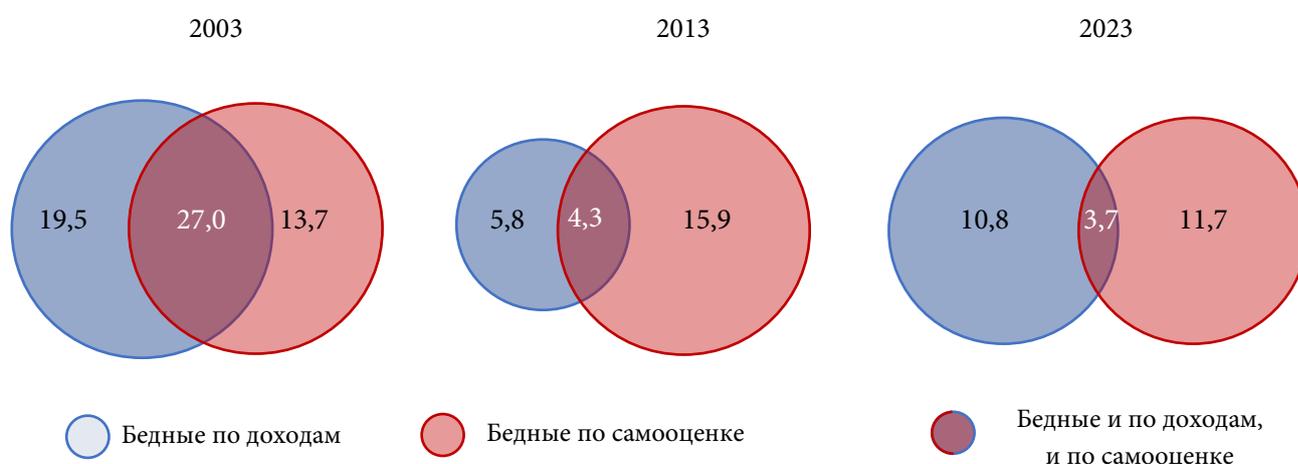
¹ Источник: расчеты авторов на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2003, 2013 и 2023 гг., описанных ранее; данные Росстата (Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам РФ, в % от общей численности населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2024 г.).

² Так, в 2003 г. были бедны по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 48% домохозяйств [6], в 2013 г. – 17% домохозяйств [8].

Масштабы субъективной бедности в этот период тоже сокращались, причем, как и в случае с объективной бедностью, заметнее всего – в 2003–2013 гг., когда доля неудовлетворенных своим материальным положением сократилась более чем вдвое.

По данным исследований ИС ФНИСЦ РАН, к 2023 г. обе группы стали практически равными по численности. Насколько при этом они совпадают друг с другом?

Российские исследователи уже неоднократно приходили к выводу о том, что группы объективно и субъективно бедных значительным образом различаются на микроуровне [4; 6; 10; 12]. Результаты нашего анализа показывают, что со временем эти группы расходятся еще сильнее (рис. 2).

Рис. 2. Соотношение групп бедных по доходам и по самооценке, 2003–2023 гг., %¹
Figure 2. Ratio of poor groups by income and self-perceived poverty, 2003–2023, %

В 2003 г. наибольшая доля бедных приходилась на тех, кто одновременно принадлежал к бедным как по объективному, так и по субъективному критерию. Более того, хотя бы по одному из критериев в категорию бедных попадали более половины россиян (61%), и, таким образом, бедность выступала своего рода «социальной нормой» для общества того времени. За следующие 10 лет ситуация значительным образом изменилась – в 2013 г. стала доминировать группа субъективно бедных, но не испытывающих при этом материальной нужды в официальном понимании. Чуть более половины официально бедных при этом не оценивали собственное материальное положение как плохое. К 2023 г. группа бедных одновременно по двум подходам сохранила свою небольшую численность в 4% населения, и при этом приросла доля тех объективно бедных по доходам граждан, кто не считает свое материальное положение плохим.

Таким образом, за последние 20 лет в России сформировалось специфическое соотношение объективной и субъективной бедности: эти группы все больше расходятся, а в группе объективно бедных возрастает

¹ Источник данных: здесь и далее таблицы и рисунки иллюстрируют расчеты авторов на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2003, 2013 и 2023 гг., описанных ранее.

доля тех, кто не считает себя таковыми. Как при этом изменилась социально-демографическая и социально-профессиональная структура групп бедных по объективному и субъективному критериям (табл. 1)?

Таблица 1 (Table 1)

Социально-демографический и социально-профессиональный состав бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., % / лет / чел.
Socio-demographic and socio-professional composition of the income poor, the self-assessed poor and the population as a whole, 2003–2023, % / years / person

Характеристики		Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
		2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Пол, %	Мужской	40,3	37,3	40,8	39,4	44,1	41,6	44,8	48,1	44,3
	Женский	59,7	62,7	59,2	60,6	55,9	58,4	55,2	51,9	55,7
Средний возраст, лет		46,9	39,2	44,1	46,4	48,8	50,6	43,3	42,5	46,7
Среднее количество человек в д/х, чел.		3,1	3,6	3,3	3	3	2,4	3,1	3,1	2,8
Среднее количество работающих в д/х, чел.		1,4	1,9	1,6	1,5	2	1,6	1,7	2	1,8
Среднее количество детей в д/х, чел.		1,4	1,5		1,3	1,4		1,3	1,3	
Средний доход на члена семьи, руб.		1 421	5 192	11 415	2 029	10 416	22 123	3 041	14 575	27 187
Медианный доход на члена семьи, руб.		1 500	5 000	11 000	1 700	10 000	20 000	2 000	12 000	24 000
Соц.- проф. статус, %	Предприниматель, самозанятый	0,9	2	2,6	1,2	2,3	2,3	4,1	2,5	3,9
	Руководитель (в т.ч. среднего звена)	2,5	2,0	1,5	3,2	1,6	2,7	5,3	3,7	3,5
	Специалист с высшим образованием	6,8	8,6	12,8	10,4	8,0	10,4	11,8	15,4	17,9
	Военнослужащий, сотрудник МВД, прокуратуры	2,8	0,7	-	2,4	1,9	-	4,3	3,6	-
	Служащий из числа технического и обслуживающего персонала	13,2	20,7	24,9	12	17,7	16,4	12,4	19,3	22
	Рабочий	32	27,4	21,1	33,4	28,3	17,8	30,3	28,2	21,9
	Не работают (студент / пенсионер / в отпуске по уходу за ребенком / иные причины)	41,7	38,7	37	37,5	40,2	50,3	31,8	27,3	31

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

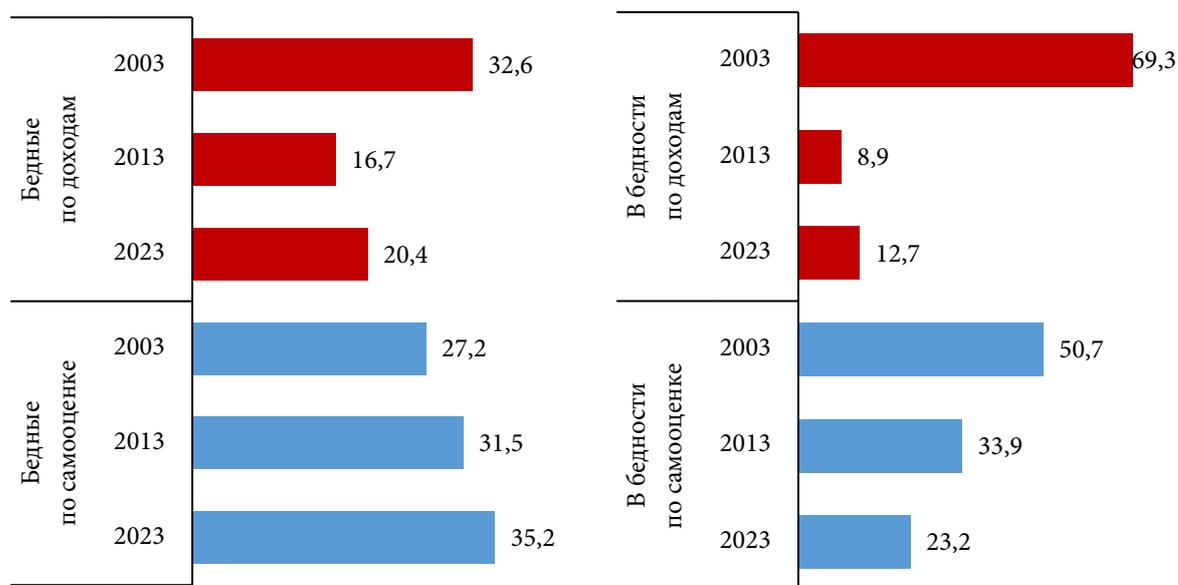
Не заостряя излишнего внимания на специфике социально-демографической структуры бедных (о чем уже многое написано российскими исследователями), затронем лишь основные отличия и изменения за 20 лет. Из предыдущих исследований уже известно, что бедные по доходам характеризуются менее устойчивым положением на рынке труда, сельской локализацией, их домохозяйства имеют повышенную иждивенческую нагрузку – это бедность молодых семей с детьми или неработающими взрослыми. Субъективно бедные, в свою очередь, отличаются более старшим возрастом, проблемами со здоровьем, множественными депривациями. Динамика данных за 20 лет показывает, что характерные черты проявлялись в группах постепенно, по мере их расхождения.

В начале 2000-х годов портрет как объективно, так и субъективно бедного отличался от населения в целом лишь по профессиональному статусу: среди них было (и остается по сей день) меньше специалистов на руководящих должностях, а среди объективно бедных – также меньше специалистов с высшим образованием. Вспоминая данные о доле бедных в стране в тот период времени, можно сказать, что в обществе массового неблагополучия образца 2003 г. отличия бедных граждан от небедных были незначительны.

С 2013 г. объективная бедность начала «молодеть» по сравнению с населением в целом (это происходило, в том числе, за счет доведения пенсий до региональных прожиточных минимумов), а субъективная бедность – наоборот, демонстрировать повышение среднего возраста ее представителей за счет пенсионеров. Сельский характер бедности по доходам к 2023 г. несколько скорректировался, хотя она и сегодня остается характерной, прежде всего, для жителей сел (среди бедных по доходам они составляют 42,6 при 33,2% среди бедных по самооценке и 31% по населению в целом).

Отличия в доходах для объективно бедных по сравнению с населением в целом были минимальны в 2003 г. и максимальны в 2013 г. (средний доход в домохозяйствах бедных по доходам оказывался почти в 3 раза меньше среднероссийского), в то время как к 2023 г. разница снизилась. Разница в доходах субъективно бедных россиян по сравнению с населением в целом при этом снижалась на протяжении всего периода наблюдения: в 2003 г. средний доход по населению в целом был на 50% выше, а в 2023 г. – уже только на 23%.

Отдельно нужно остановиться на вопросе бедности пенсионеров. Именно в отношении этой группы в первую очередь возникает предположение как о формирующей ядро субъективной бедности, но не попадающей при этом в бедность по доходам, поскольку пенсии доведены до прожиточного минимума, но специфика расходов пенсионеров (в частности, неэластичные расходы на медицинские услуги и лекарства) может приводить к низким самооценкам материального положения. Однако это предположение не нашло полного подтверждения на данных (рис. 3).

А) пенсионеры в составе бедных

Б) бедные в составе пенсионеров

Рис 3. Связь незанятости в связи с нетрудоспособностью и бедности по доходам и самооценке, 2003–2023 гг., %

Figure 3. The relationship between disability-related unemployment and income poverty and self-assessed poverty, 2003–2023, %

В «нулевые» годы подавляющее большинство пенсионеров попадали в бедность по доходам в силу низких пенсий. После повышения пенсий до уровня прожиточного минимума пенсионеры стали попадать в бедность по доходам лишь в единичных случаях, когда состав и общий уровень доходов домохозяйства выталкивал его за черту бедности. Достаточно заметно уменьшились за эти два десятилетия для пенсионеров и риски бедности по самооценке. В результате, в 2023 г. о своем плохом материальном положении заявляли менее $\frac{1}{4}$ пенсионеров. Поэтому утверждать, что состояние субъективной бедности – отличительная черта данной группы, некорректно. При этом среди бедных по доходам и бедных по самооценке все возможные категории пенсионеров суммарно составляют меньшинство (в первом случае – $\frac{1}{5}$ группы, во втором – примерно $\frac{1}{3}$). В целом, можно говорить о том, что проблема субъективной бедности – это проблема в том числе и пенсионеров (актуализированная для трети этой группы), но далеко не только их.

Оценки различных аспектов повседневной жизни среди объективно и субъективно бедных россиян

Итак, за последние 20 лет объективно и субъективно бедные не только заметно разошлись между собой, но и приобрели качественную специфику, отличающую их как от населения в целом, так и друг от друга. В продолжение этого сюжета обратимся к особенностям их повседневной жизни, также отражающим положение этих групп в современном российском обществе.

Инструментарий исследования позволял собрать оценки разных аспектов жизни по шкале «хорошо–удовлетворительно–плохо». Рассмотрим, какими из сторон своей жизни россияне не довольны¹ (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Оценка различных сфер жизни как «плохих» среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %
Evaluation of different areas of life as “bad” among the income poor, the self-perceived poor, and the general population, 2003–2023, %

Жизненные сферы	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Базовые потребности									
Состояние здоровья	32,8	18	15,8	38,1	32,8	37,9	23,3	12,7	11,5
Одежда	40,9	27,3	12,8	55,4	45,7	34,6	27,5	10,9	6,9
Жилищные условия	21,8	23,3	12,1	27,2	29,3	18,1	18,7	11,4	6
Питание	24,3	15,3	10,2	35,3	24,1	24,5	15	5,3	4,3
Не менее 3-х негативных оценок из 4-х вышеперечисленных	16,6	9,3	7,2	23,2	15,4	14,4	9,9	3,4	2,6
Прочие сферы жизни									
Уровень социальной защищенности в случае потери работы			37,7			60,4			32,1
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в т.ч., платную			28,3			55,0			22,7
Возможность отдыха в период отпуска	60,4	45,3	40,8	70,8	59,5	59,4	47,5	23,2	22,5
Возможность выражать политические взгляды			22,3			44,3			20,1
Возможности проведения досуга	44,1	37,3	24,9	53,8	49,8	46,3	35,7	18,3	14,7
Возможность влиять на то, как складывается жизнь			18,5			46,3			14,6
Экологическая ситуация в месте проживания			12,1			24,8			12,6
Возможность получения необходимого образования и знаний	49	38,7	20,4	54	40,5	33,9	37,1	17,7	12,3

¹ Анкетный вопрос: «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни?». В ячейках – доли респондентов, поставивших оценку «плохо» по шкале «хорошо–удовлетворительно–плохо». Сферы социальной защищенности, медицинской помощи, выражения политических взглядов, возможности влияния на жизнь, экологической ситуации и ИКТ были представлены только в опроснике 2023 года. Сортировка – по убыванию оценок всего населения за 2023 год.

Продолжение таблицы 2

Жизненные сферы	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Уровень личной безопасности	31,6	20,0	14	39,5	28,3	22,5	27,6	10,4	10,4
Возможность реализовать себя в профессии*	35,5	35,9	20,5	39	37,1	39,5	28	14,7	10,2
Ситуация на работе*	24,8	28,3	10,8	28,8	29,6	37,2	17,9	9,2	8,9
Возможность общения с друзьями	7,8	10,7	5,7	9,3	13,8	14,4	6,3	5,1	5,1
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом			9,8			11,4			4,6
Место, регион проживания	15,9	18,7	6,8	20	19,3	12,1	14,2	9,1	3,8
Отношения в семье	5,4	7,3	6,4	6,7	9,3	9,7	4,4	3,5	3,8
Интегральные оценки жизни									
Положение, статус в обществе	20,3	12,0	11,3	27,1	23,5	21,8	14,9	7,2	6,1
Жизнь в целом складывается	19,9	11,3	9,8	27,0	19,3	26,2	12,8	5,3	5,8
Справочно: материально обеспечены	58	42,7	25,3	100	100	100	40,4	19,4	14,9

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза; в строках, обозначенных звездочкой (*) приведены показатели от работающих.

Данные показывают, что последние двадцать лет принесли положительную динамику в оценках различных аспектов собственной жизни населением: доля оценивающих ситуацию в каждой из жизненных сфер как плохую значительно снизилась к 2023 г. относительно замеров в предыдущие десятилетия. В группах бедных также происходило снижение негативных оценок, однако темпы этой динамики отставали от общероссийских.

Сегодня россияне чаще оценивают как плохую ситуацию в сфере социальной поддержки (снижение социальной защищенности, возможности получения медицинской помощи), и среди остальных сфер она набирает наиболее высокие негативные оценки. Исторически высоки негативные оценки возможностей досуга и отдыха, а также профессиональной реализации. За 20 лет значительным образом улучшилась ситуация граждан по оценкам базовых потребностей (питание, одежда, жилье, здоровье), а доля негативно оценивших одновременно большую часть из них (три или более) снизилась с 10 до 2,6% – что говорит о снижении числа россиян, имеющих множественные депривации в базовых сферах жизни.

В 2003 г. бедные демонстрировали не такие яркие отличия от населения в целом (поскольку, как мы отмечали выше, общество характеризовалось массовым неблагополучием), а наибольшие отличия для объективно бедных наблюдались в питании. Субъективно бедные в то время характеризовались не только более ярко выраженными оценками базовых

сторон жизни как плохих, но и в целом чаще отмечали свое бедственное положение в обществе, что отражалось в их интегральных оценках жизни. За следующие 20 лет оценки постепенно смещались в сторону хороших и удовлетворительных, однако скорость изменений была различной, и они происходили разнонаправленно. Если в 2013 г. обе группы бедных стали демонстрировать яркую картину отклонений от оценок всего населения (в 2 и более раза), то к 2023 г. объективно бедные приблизились к населению в целом, а субъективно бедные, наоборот, стали все чаще отличаться в своих оценках как от объективно бедных, так и – в еще большей степени – от населения в целом: отличия по характеристикам базовых потребностей, ситуации на работе и жизни в целом в 2023 г. доходили до 4 и более раз.

Корреляционный анализ показывает, что плохая оценка своего материального положения (которую в данном случае мы используем для выделения субъективной бедности) имеет более тесную связь с плохими оценками других сфер жизни, чем пребывание в объективной бедности по доходам, связь которого с плохими оценками разных сторон жизни едва ли можно назвать значимой. Фактические условия жизни субъективно бедных при этом чаще характеризуются расширенным набором деприваций, как было показано в более ранних исследованиях [3]. Иными словами, плохие оценки различных сторон жизни действительно связаны с их жизненными реалиями, а не только с эмоциональным восприятием. Субъективная оценка материального положения сильнее всего оказывается связана с оценками возможностей в сферах питания и одежды¹, что является подтверждением депривированности субъективно бедных в первичных потребностях. Показательна и интегральная оценка жизни в целом, собравшая в себе представления о разных сферах, – к 2023 г. только десятая часть бедных по доходам отмечает, что их жизнь складывается плохо, в то время как среди субъективно бедных таких более четверти.

Однако есть основания полагать, что субъективно бедные, помимо испытываемых ими деприваций и реальных жизненных проблем, характеризуются также особым настроением, и их оценки сторон жизни частично свидетельствуют о специфическом отношении к ситуации, а не о реальных отличиях. Это можно проиллюстрировать на примере оценок, которые они дают экологической ситуации в месте проживания: если население в целом и объективно бедные отмечают плохую экологическую ситуацию в месте проживания со схожей частотой (~12%), то субъективно бедные говорят об этом почти в два раза чаще, хотя не имеют при этом значимых отличий в локализации по типу и размеру поселения или по проживанию в «неблагополучных» экологических районах.

В итоге, на сегодняшний день объективно бедные в два раза чаще говорят о плохой ситуации в ряде жизненных сфер, чем россияне в целом, а субъективно бедные отличаются еще более пессимистичным настроением в этом отношении.

¹ Корреляции Пирсона на уровне 0,416 и 0,457 соответственно; оценки значимы на уровне доверительной вероятности 95%.

Посмотрим теперь, как особенности их положения проявляются в тех объективных изменениях, которые происходят в их жизни (таблица 3).

Таблица 3 (Table 3)

Достижения за последние 3 года среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %¹
Achievements over the past 3 years among the income poor, the self-perceived poor and the general population, 2003–2023, %

Удалось за последние три года до опроса	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Повысить уровень своего материального положения	10,5	9,3	15,1	8,7	3,2	3	22,5	18,4	17,2
Улучшить жилищные условия	8,9	12,7	9,4	9,3	5,5	6	13,7	13,1	13,8
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу*	9,5	13	13,2	11,6	7,5	7,4	16,1	14,8	13,4
Повысить уровень образования и/или квалификации	10,9	6	8,3	14,4	4,8	7,4	20,5	11,8	11,2
Побывать в другой стране мира	1,4	3,3	8,3	1,4	5,8	5,4	4,6	14,6	9
Сделать дорогостоящие приобретения (квартира, автомобиль, мебель и т. п.)	6,9	8,7	8,7	5,5	10,9	1,7	15,1	18,6	7,7
Открыть собственное дело	1,2	1,3	1,1	1,2	1,3	0	3,8	2,2	1,4
Ничего из вышеперечисленного за последние 3 года добиться не удалось	68,7	68,7	30,2	66,4	74,6	42,6	50,1	50,9	21,5
Ничего из перечисленного реализовать не планировали			29,1			36,9			36,4

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза; в строках, обозначенных звездочкой (*) приведены показатели от работающих.

Если в 2003 г. россияне чаще отмечали различные достижения в своей жизни, что иллюстрировало выход из трудного периода и финансовых кризисов конца XX в., то со временем они стали реже декларировать свои успехи в различных жизненных сферах. Динамика положения объективно бедных при этом заметно отличалась от населения в целом – их положение со временем улучшалось, и к 2023 г. они отмечали жизненные достижения в разных сферах практически в равной степени с населением в целом, заметно сократив те различия, которые наблюдались в 2003 г. Показательно,

¹ Анкетный вопрос: «Удалось ли Вам за последние 3 года?» (в ответах представлен список вариантов достижений); вариант ответа «Ничего из перечисленного реализовать не планировали» представлен только в анкете 2023 г.; сортировка – по убыванию оценок всего населения за 2023 г..

что в 2023 г. они реже остальных говорили о том, что не ставили перед собой никаких целей. Единственное, что бедные по доходам декларируют значимо реже, чем население в целом – это улучшение жилищных условий, что, вероятнее всего, связано с необходимостью значительных материальных вложений. При этом достижений, связанных с иными, менее значительными затратами (дорогостоящие приобретения, путешествия и даже открытие собственного дела), представители этой группы добиваются или столь же часто, или даже чаще, чем россияне в целом. Все это подчеркивает скорее неглубокий характер бедности по доходам.

Субъективно бедные гораздо реже отмечают, что им удалось добиться тех или иных улучшений в своей жизни. Крайне редко представители этой группы отмечают достижения в улучшении материального положения и в возможностях осуществлять дорогостоящие покупки, что сильно отличает бедных по самооценке от населения в целом и даже от объективно бедных. Это вновь показывает связь субъективной бедности, в первую очередь, с неудовлетворенностью материальными аспектами своей жизни, хотя причины этого могут лежать не только в нехватке средств, но и в специфике запросов.

Таким образом, если в 2000-е гг. разница в жизненных достижениях между бедными и небедными была более заметна, но меньше зависела от объективного или субъективного характера бедности, то к 2023 г. объективно бедные практически перестали отличаться по уровню достижений от россиян в целом, в то время как у субъективно бедных ситуация по сравнению со средним по стране скорее ухудшилась. Неудивительно, что оценка реализации общих жизненных планов в этих группах (табл. 4) показывает схожую картину.

Таблица 4 (Table 4)

Оценка реализации жизненных планов среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2023 г., %¹
Estimated realization of life plans among the income poor, the self-perceived poor, and the general population, 2023, %

Оценка реализации жизненных планов	Бедные по доходам	Бедные по самооценке	Все население
Достигли в общем всего, к чему стремились и на что были способны	7,2	5,4	13,8
Многого добились, но, кажется, были способны на нечто большее	21,9	16,1	28,3
Добились значительно меньше того, на что были способны	35,8	47,3	31,8
Считают себя неудачниками, так как почти ничего не добились	9,1	18,1	4,5
Рано подводить итоги, еще добьются того, чего пока не удалось	26	13,1	21,7

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

¹ Анкетный вопрос: «Насколько в целом реализовались Ваши жизненные планы?».

Бедные по доходам оказываются ближе по оценкам степени реализации своих жизненных планов к населению в целом, в то время как субъективно бедные отличаются заметно более негативными оценками. Восприятие себя как «неудачника» в большей степени присуще именно бедным россиянам, но при этом среди субъективно бедных таковых почти пятая часть, в то время как среди объективно бедных – чуть меньше десятой части (по населению в целом – 5%).

Среди объективно бедных при этом достаточно много тех, кто верит в реализацию своих жизненных планов в будущем. Это может быть связано как с более оптимистичным настроем, так и с тем, что бедные по доходам сравнительно моложе.

Социально-психологическое благополучие объективно и субъективно бедных

Довольно ярко демонстрирует разницу между бедными также динамика испытываемых ими чувств, свидетельствующая об изменениях социально-психологического состояния. В начале рассматриваемого периода многие россияне находились в схожем неблагоприятном положении. В результате, в 2003 г. наблюдалось сходство в чувствах как бедных, так и населения в целом. Однако к 2023 г. ситуация изменилась: если бедные по доходам оказываются все более похожими по испытываемым ими чувствам на усредненный портрет населения в целом (разница со средним по стране в большинстве случаев не превышает 1,5-кратную), то бедные по самооценке существенно чаще испытывают различные негативные чувства (табл. 5).

Разного рода волнения (страх перед будущим, неспособность повлиять на происходящее и восприятие происходящего как несправедливого) в 2023 г. на регулярной основе испытывали примерно четверть россиян, среди бедных по доходам – менее трети (т. е. и для первых, и для вторых это стало нетипичным явлением), в то время как среди бедных по самооценке – практически половина. Ощущение, что «так дальше жить нельзя», регулярно испытывали 16,8% россиян и 25,5% бедных по доходам, в то время как среди бедных по самооценке – практически 40%. Это позволяет заключить, что и по самоощущению группы бедных все больше отдаляются друг от друга, причем субъективно бедные и в этом отношении находятся в сравнительно худшем положении.

Стоит отдельно отметить, что субъективно бедные существенно реже указывают, что могут положиться на кого-либо в трудной ситуации. Однако при этом они не являются действительно исключенными из системы социальных связей. Лишь 8,1% респондентов не общаются ни с кем, кроме членов семьи и 2% – вообще ни с кем не общаются (среди бедных по доходам аналогичные доли составляют 5,3 и 1,9%, столь же редко распространены такие ситуации и среди населения в целом). Кроме того, нельзя сказать, что бедные по самооценке существенно отличаются по тем возможностям, которые дает им социальный ресурс: по их самооценке, им все же доступны

те или иные виды помощи от ближайшего окружения, даже если среди них реже встречаются более сложные / значимые их виды. Таким образом, чувство, что бедным по самооценке никто не поможет в трудную минуту, свидетельствует об особом социально-психологическом настрое этой категории россиян.

Таблица 5 (Table 5)

Испытываемые чувства среди бедных по доходам,
бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %
*Experienced feelings among the income poor,
the self-esteem poor, and general population, 2003–2023, %*

Частота	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Испытывал(а) страх перед будущим¹									
Часто	23,6	22,7	25,4	27,8	24,1	45,6	18,2	12,4	23,1
Никогда	40,9	37,6	13,2	36,4	31,3	9,1	42,5	43,9	19,9
Чувствовал(а) собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг									
Часто	43	29,5	30,7	49,2	44	48,7	34,4	21,6	26,1
Никогда	13,5	18,8	19,3	11,3	11,3	10,7	18,6	30,7	23,3
Чувствовал(а) несправедливость всего происходящего вокруг									
Часто	57,9	48,6	30,7	65,5	57,3	53,2	50,2	29,5	25,8
Никогда	5,1	9,5	17,2	4,7	3,9	12,1	9,5	22,6	21,9
Чувствовал(а), что дальше так жить нельзя									
Часто	42,6	25,7	25,6	49,4	33,7	38,7	33,6	15,5	16,8
Никогда	15	18,9	27,8	13	11,9	20,2	24,5	42,6	41,4
Чувствовал(а) надежную поддержку близких и коллег, знал, что они придут на помощь, если понадобится									
Часто	44,7	30,9	43,8	41,3	29,1	28,3	47	37,8	45,7
Никогда	13,7	19,4	9,3	15,2	19,1	13,5	12,1	17,7	6,7

Примечание. Россияне могли выбрать 1 из 3 вариантов ответов (часто, редко, никогда); в таблице опущены оценки «редко»; желтым выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

Кроме того, бедные по самооценке демонстрируют повышенную тревожность по сравнению с бедными по доходам в отношении собственного будущего (65,1 против 47,3%), чаще ожидают ухудшения своего материального положения в ближайший год (50,3 против 22,2%) и т. д.

Насколько, согласно оценкам самого населения, они могут влиять на динамику своего положения и свою жизнь в целом, и есть ли различия в соответствующих установках между бедными по доходам и по самооценке? Данные показывают, что такие различия действительно наблюдаются (табл. 6).

¹ В 2003 и 2013 гг. в качестве причины страха указывалась ситуация на работе, в 2023 г. – неопределенность будущего.

Таблица 6 (Table 6)

Установки в отношении возможности управлять своей жизнью среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2013–2023 гг., %
Attitudes toward the ability to manage their lives among the income poor, self-esteem poor, and general population, 2013–2023, %

Альтернативные суждения	Бедные по доходам		Бедные по самооценке		Все население	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках	51,3	61,5	38,9	45,6	55,2	61,6
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	48,7	38,5	61,1	54,4	44,8	38,4

За последнее десятилетие распространенность среди населения установки на ответственность за свою жизнь росла. Даже несмотря на сложные обстоятельства последних лет, по данным исследований, в 2023 г. среди россиян доминировали те, кто принимал ответственность за свою жизнь на себя – по сравнению с теми, кто считал, что она диктуется внешними обстоятельствами (соотношение составляло 2:1 как среди россиян в целом, так и среди бедных по доходам). При этом бедные по самооценке вновь отличались повышенной долей тех, кто считает, что ключевую роль играют внешние обстоятельства, и это отличие было довольно сильным как в 2013 г., так и в 2023 г., хотя динамика в этом вопросе, схожая с общероссийской, все же наблюдалась и в этой группе. В 2023 г. чуть более половины бедных по самооценке считали, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами. Неудивительно, что для них не было свойственно и планирование своей жизни: если в целом в 2023 г. вообще не планировали и жили «сегодняшним днем» 57,4% россиян, а среди бедных по доходам – 60,8%, то среди бедных по самооценкам эта доля достигала 80,2%. Это еще больше подчеркивает пассивность в отношении собственного будущего бедных по самооценке.

Несмотря на множественные расхождения во взглядах и чувствах объективно и субъективно бедных россиян, есть и то, что их сближает – все они ощущают серьезную зависимость от государства. Из пары суждений «Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью» и «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить» бедные по доходам и бедные по самооценке в подавляющем большинстве выбирают вторую альтернативу (66,8 и 69,8 – при 48,8% по населению в целом). Безусловно, степень и форма зависимости от государства у них может различаться, но фактом остается то, что большинство представителей этих групп характеризуется острым ощущением уязвимости своего положения без государственной поддержки.

Исходя из данных об основных источниках дохода, можно предположить, что бедные по самооценке зависимы от государства сильнее: среди них почти половина (45%) в качестве основного источника дохода отметили

пенсии, пособия, алименты, помощь от государства и общественных организаций и т. п., тогда как среди бедных по доходам и россиян в целом таковых примерно треть (36,6¹ и 31,7%, соответственно). Однако в целом данные свидетельствуют о том, что ощущение необходимости поддержки от государства и неспособности влиять на свою жизнь и на происходящее вокруг нельзя сводить к материальной зависимости от государства. Так, выше мы уже показывали, что хотя доля пенсионеров в составе субъективно бедных велика, но в двух третях случаев – это не пенсионеры.

Представления объективно и субъективно бедных россиян о будущем страны

Выше мы говорили о тех оценках, которые объективно и субъективно бедные россияне дают своей собственной жизни, а в данном разделе обратимся к их представлениям о будущем страны (см. табл. 7).

Первое, что можно отметить в этой связи – это преобладание запроса на стабильность по сравнению с запросом на перемены как среди населения в целом, так и бедных по доходам и бедных по самооценке. Хотя бедные по самооценке несколько чаще говорят о необходимости существенных перемен в обществе (42,6 при 38,9% среди бедных по доходам и 38,2% среди населения в целом), даже среди них такая позиция не является доминирующей. Эта ситуация достаточно заметно отличается от картины двадцатилетней давности, когда сторонники стабильности и сторонники перемен были сопоставимы по численности, и вторые даже несколько преобладали. В данном отношении динамика представлений среди бедных, выделенных как по объективному, так и по субъективному критерию, повторяла общероссийскую: резкое снижение запроса на перемены в 2003–2013 гг. с некоторым последующим его восстановлением (хотя далеко не полностью компенсирующим спад предыдущего десятилетия) в 2013–2023 гг.

Не отличаются между собой бедные, выделенные по объективному и субъективному критерию, и по представлениям о том, каким путем должна идти Россия. В этом вопросе они репрезентируют все население: подавляющее большинство считает, что наша страна не может жить по правилам западных стран. В 2013 г., по сравнению с 2003 г., наблюдался подъем западнических настроений (хотя доля сторонников такого варианта развития даже на тот момент составляла лишь чуть более трети – как среди населения в целом, так и среди бедных по доходам и бедных по самооценке), но к 2023 г. этот подъем был нивелирован еще большим спадом в числе сторонников «западного пути». Разочарование в западной модели и пони-

¹ Заметно расхождение доли зависящих, по их самооценке, от поддержки со стороны государства, по их самооценкам (66,8%) и непосредственно получающих трансферы (36,6%) среди бедных по доходам. По всей видимости, часть получающих государственные трансферты бедных по доходам зачастую расценивают эти поступления как важный источник своих доходов, но не как основной. Также, говоря о поддержке со стороны государства, бедные россияне могут иметь в виду не только выплаты, но и предоставляемые льготы и немонетарные возможности (бесплатное здравоохранение, образование и пр.).

мание необходимости учета цивилизационной специфики России – часть общественного консенсуса, разделяемая в том числе и менее благополучной частью общества.

Таблица 7 (Table 7)

Установки в отношении будущего вектора развития страны среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2013–2023 гг., %

Attitudes toward the country's future development vector among the income poor, self-perceived poor, and general population, 2013–2023, %

Альтернативные суждения	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Страна нуждается в существенных переменах ¹	52,8	30,9	38,9	53,2	28,2	42,6	53,7	31,6	38,2
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	47,2	69,1	61,1	46,8	71,8	57,4	46,7	68,4	61,8
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	22	34	18,9	22,9	30,2	21,5	28	36,5	21,7
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	78	66	81,1	77,1	69,8	78,5	72	63,5	78,3
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	59	56,7	60,4	60,6	61,4	53	66,9	68,4	61,8
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	41	43,3	39,6	39,4	38,6	47	33,1	31,6	38,2
Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты	-	-	67,2	-	-	58,7	-	-	73,5
Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик	-	-	32,1	-	-	41,3	-	-	25,8

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране.

¹ В 2003 г. формулировки альтернативных суждений отличались, респонденты делали выбор между следующими вариантами: «Общество нуждается в существенных переменах» и «Я не рассчитываю на перемены к лучшему и считаю, что главное – не допустить дальнейшего ухудшения ситуации».

Что же касается выбора в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», который демонстрирует общие нормативные представления населения о том, как должен реализовываться принцип справедливости в обществе, то в этом вопросе бедные по самооценке сегодня демонстрируют отличия как от бедных по доходам, так и от населения в целом, предъявляя сравнительно больший запрос на равенство доходов – среди них он достигает 47% респондентов. Это означает, что к росту запроса на равенство доходов по сравнению с равенством возможностей приводят не столько сам низкий уровень дохода, сколько восприятие его таковым. Важно, что при этом запрос на социальную справедливость как ключевой элемент развития страны выражен среди субъективно бедных в большей мере, чем у россиян в целом. Но, по всей видимости, в настоящее время они не наблюдают реализации этого принципа на практике – так, например, говоря о причинах благополучного положения в современном российском обществе, 53,7% из них приписывают его везению и наличию социальных связей (при 37% среди объективно бедных и 34,6% по населению в целом).

Наконец, говоря о перспективах страны, бедные настроены чуть менее оптимистично россиян в целом, и среди бедных по самооценке доля считающих, что страна идет в тупик, даже превышает 40% (при четверти среди населения в целом и трети – среди бедных по доходам). Однако все-таки и среди них большинство все же верит в «светлое будущее» страны, пусть и в грядущей перспективе.

К выводам

Несмотря на расхождение оценок масштабов бедности, полученных по официальным и опросным данным, можно уверенно говорить о том, что последние 20 лет принесли заметное сокращение объективной бедности по доходам; снизилась за это время и субъективная бедность по самооценкам. Основные изменения в численности групп пришлось на первую половину рассматриваемого нами периода (2003–2013 гг.). Если в 2003 г. объективная и субъективная бедность в заметной степени пересекались (более половины каждой из этих групп были бедны и по второму критерию), то сокращение их масштабов сопровождалось их расхождением между собой как с точки зрения их пересечения на микроуровне, так и формирования в них характерных особенностей каждой. В итоге, к 2023 г. объективно бедные в большей степени отличаются от населения в целом по своему социально-демографическому портрету, но в меньшей степени – по оценкам различных сфер жизни. В отношении субъективно бедных сложилась иная ситуация – хотя они не проявляют ярких отличий от населения в целом в своем портрете, но отличаются явным пессимизмом в оценках своей жизни и ее динамики. В итоге, субъективно бедные значительно чаще оценивают разные аспекты своей жизни как плохие, и отличия в негативных оценках по сравнению с россиянами в среднем достигают до 2–4-кратных. При этом субъективная оценка своего материального положения, которая лежала в основе выделения

этой группы, показывает наибольшую корреляцию с оценкой базовых сторон жизни – качеством питания и одежды. Что касается бедных по доходам, то в 2023 г. они практически не отличаются от россиян в целом по уровню качественных изменений в своей жизни (правда, стоит отметить, что эта ситуация поменялась за последние двадцать лет, и в том числе за счет того, что достижения среди россиян в целом сократились); близки они к остальному населению и по оценке реализации поставленных жизненных планов.

Что касается особенностей социально-психологического самочувствия этих групп, то в начале «нулевых» годов бедные по доходам и бедные по самооценке были достаточно схожи в том, как они воспринимали окружающую действительность и как оценивали свои возможности повлиять на собственное положение. За 20 лет в обеих группах проявились положительные тренды: степень недовольства окружающей действительностью и ощущение беспомощности среди них сократились. Однако разная скорость этих изменений привела к тому, что в 2023 г. бедные по доходам стали близки к средней картине по населению в этом отношении, в то время как бедные по самооценке все еще отличаются повышенным пессимизмом и в отношении возможностей своего влияния на собственное положение, и в оценках будущего. С другой стороны, в отношении оценок будущего страны и пути развития, которым должна следовать Россия, бедные и по объективному, и по субъективному критерию мало отличаются от россиян в целом: большинство считает, что путь, которым идет Россия в 2023 г., даст в перспективе положительный результат. Сближает эти группы и уверенность в том, что путь развития страны должен быть «особым», соответствующим цивилизационной специфике, а не выстроенным по моделям других стран. При этом и объективно, и субъективно бедные предъявляют первоочередной запрос на стабильность, а не на перемены.

Гипотеза, что бедность по самооценке является следствием высокой материальной зависимости от государства (в случае различного рода пенсионеров), не подтвердилась. Отсутствие четкого «портрета» субъективно бедного может говорить о том, что эта группа гетерогенна. Она объединяет представителей разных групп, чье недовольство своим материальным положением вызвано качественно различными причинами – невозможностью справиться с объективными жизненными проблемами, особой спецификой расходов даже при доходах выше прожиточного минимума, спецификой представлений о «должном» и «полагающемся по справедливости», соответствующими запросами и невозможностью их реализации в текущих условиях, неопределенностью будущего и ощущением отсутствия контроля над своей жизнью и пр. В этом отношении говорить о субъективной бедности в рамках задачи по определению адресатов социальной политики или при реализации мер социальной помощи населению нет возможности. Однако мониторинг этого показателя дает очень ценную информацию о социальном самочувствии российских граждан и общественных настроениях, а также о том, насколько отражаются на них меры по снижению объективной бедности, реализация которых будет продолжаться для достижения национальных целей развития в соответствии с Указом Президента РФ.

Библиографический список

1. Бедность и бедные в современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2014. 304 с. EDN: SXPYHR.
2. Белопашенцева П. В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
3. Белопашенцева П. В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4(170). С. 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224; EDN: WUOLWD.
4. Жаромский В. С. Построение комплексной оценки бедности по трем профилям бедности // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 92–105. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00007; EDN: ICOEVN.
5. Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. № 3(14). С. 27–63. EDN: RYIHNP.
6. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175. EDN: PVKGDТ.
7. Косова Л. Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4. С. 118–127.
8. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40; EDN: ALZPDV.
9. Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
10. Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М., Токсанбаева М. С. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: МЦ Карнеги, 1998. 281 с.
11. Пишняк А. И., Халина Н. В. и др. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56–73. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3; EDN: UZLIDK.
12. Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3-4(123). С. 82–92. DOI: 10.24411/2070-5107-2016-00017; EDN: YKKCTZ.
13. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3-4(126). С. 17–29. DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBON.

14. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
15. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36–49. EDN: RZUCOB.
16. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: ВШЭ, 2014. 35 с.
17. Buttler F. What determines subjective poverty? An Evaluation of the Link between Relative Income Poverty Measures and Subjective Economic Stress within the EU. Preprint of the DFG Research Unit «Horizontal Europeanization». Oldenburg, 2013.
18. Goedhart T., Halberstadt V. et al. The poverty line: concept and measurement // Journal of human resources. 1978. No. 12(4). P. 503–520. DOI: 10.2307/145372.
19. Jackman M. R., Jackman R. W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status // American sociological review. 1973. No. 5(38). P. 569–582. DOI: 10.2307/2094408.
20. Mahmood T., Yu X., Klasen S. Do the poor really feel poor? Comparing objective poverty with subjective poverty in Pakistan // Social Indicators Research. 2019. Vol. 142. P. 543–580. DOI: 10.1007/s11205-018-1921-4.
21. Posel D., Rogan M. Measured as poor versus feeling poor: Comparing money-metric and subjective poverty rates in South Africa // Journal of human development and capabilities. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 55–73. DOI: 10.1080/19452829.2014.985198.
22. Ravallion M. Poor, or just feeling poor? On using subjective data in measuring poverty // Happiness and economic growth. 2014. November. P. 140–178. DOI: 10.1596/1813-9450-5968.
23. Rojas M. Experienced poverty and income poverty in Mexico: A subjective well-being approach // World Development. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 1078–1093. DOI: 10.1016/j.worlddev.2007.10.005.
24. Siposné N. E. Subjective poverty and its relation to objective poverty concepts in Hungary // Social Indicators Research. 2011. Vol. 102. P. 537–556. DOI: 10.1007/s11205-010-9743-z.
25. Vos K., Garner T. I. An evaluation of subjective poverty definitions: Comparing results from the US and the Netherlands // Review of Income and Wealth. 1991. Vol. 37. No. 3. P. 267–285. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1991.tb00371.x.
26. Wang H. et al. Poverty and subjective poverty in rural China // Social Indicators Research. 2020. Vol. 150. P. 219–242. DOI: 10.1007/s11205-020-02303-0.

27. Želinský T., Mysíková M., Garner T. I. Trends in subjective income poverty rates in the European Union // *The European Journal of Development Research*. 2022. Vol. 34. No. 5. P. 2493–2516. DOI: 10.1057/s41287-021-00457-2.

Получено редакцией: 27.05.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белопашенцева Полина Владимировна, младший научный сотрудник

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3

Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought

Polina V. Belopashentseva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

pbelopashentseva@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3812-3957

Ekaterina D. Slobodenyuk

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

eslobodenyuk@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4255-5050

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

s.mareeva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

Abstract. The presented article is devoted to changes in the scale and qualitative characteristics of objective and subjective poverty in Russian society over the past 20 years. Based on the data of all-Russian empirical studies conducted by the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2003, 2013 and 2023, the dynamics of the number of objectively and subjectively poor Russians, the areas of intersection of these groups, their living conditions, their perception of their situation and ideas about the future of the country are traced. The obtained results indicate a noticeable reduction in both objective poverty (by income level) and subjective poverty (by self-assessment of their financial situation) among Russians over the past 20 years, which mainly occurred in the first half of this period. The reduction in the shares of objective and subjective poverty was accompanied by their divergence. As a result, an ever smaller share of Russians find themselves in the poverty zone simultaneously in both of these dimensions, and the portraits and characteristics of these groups differ increasingly. The objectively poor differ less in their assessments of their situation and opportunities in various spheres from the population as a whole, which indicates, on the one hand, the relatively shallow nature of income poverty, and on the other, the modest standard of living of the “typical Russian”. The subjectively poor are characterised by more noticeable differences from the population as a whole, in particular, negative assessments of many spheres of their lives. A similar situation is observed with the socio-psychological well-being of representatives of these groups: although over the past 20 years it has improved both among the poor by income and among the poor by self-assessment, positive changes in the first group occurred faster. As a result, the poor by self-assessment are characterised by a higher level of pessimism and

anxiety compared to other Russians. In terms of assessments of Russia's development path, both objectively and subjectively the poor differ little from other Russians, demonstrating a public consensus: the population believes in a bright future for the country, but on the condition that it follows a special path that allows for social stability. Finally, it is important to note that the subjectively poor cannot be reduced to pensioners: the data confirm that this group is heterogeneous in its composition, which determines the absence of a clear portrait and the impossibility of identifying it as a "single addressee" of socio-economic policy.

Keywords: sociology, poverty, subjective poverty, income poverty, social status, social well-being, socio-economic well-being

References

1. Poverty and poor in modern Russia. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2014: 304 (in Russ.). EDN: SXPYHR.
2. Belopashentseva P. V. Official and subjective poverty in Russia: the impact of 2020–2021 events. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 78–90 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
3. Belopashentseva P. V. What does the deprivation approach say about Russian poverty? *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 4: 110–129 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224; EDN: WUOLWD.
4. Zharomsky V. S. Building an integrated poverty measure by three poverty profiles. *Narodonaselenie*, 2019: 22(1): 92–105 (in Russ.). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00007; EDN: ICOEVN.
5. Zudina A. A. Informal employment and subjective social status: the case of Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2013: 14(3): 27–63 (in Russ.). EDN: RYIHPN.
6. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. Bednost domohozyajstv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VSHE [Household poverty in Russia: what does the RLMS HSE data say]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2013: 1: 155–175 (in Russ.). EDN: PVKGDT.
7. Kosova L. B. The grounds for success: the results of a comparative analysis of subjective status assessments. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2014: 3–4(118): 118–127 (in Russ.).
8. Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Y. Chronic poverty: what affects its level and severity? *Voprosy ekonomiki*, 2020: 12: 24–40 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40; EDN: ALZPDV.
9. Ovcharova L. N. Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical and methodological issues of definition and measurement of poverty]. *SPERO. Socialnaya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory*, 2012: 16: 15–38 (in Russ.).
10. Ovcharova L. N., Prokof'eva L. M., Toksanbaeva M. S. Bednost': al'ternativnye podhody k opredeleniyu i izmereniyu [Poverty: alternative approaches to definition and measurement]. Moscow, MC Karnegi, 1998: 281 (in Russ.).
11. Pishnyak A. I., Khalina N. V. et al. The level and the profile of persistent poverty in Russia. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi associacii*, 2021: 2: 65–73 (in Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3; EDN: UZLIDK.
12. Slobodenyuk E. D. Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2016: 3-4(123): 82–92 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-5107-2016-00017; EDN: YKKCTZ.
13. Tikhonova N. E. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2018: 3-4(126): 17–29 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBOH.
14. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. Poverty of Russian professionals: scale, causes, trends. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2022: 31(1): 113–137 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
15. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. The heterogeneity of poverty in Russia through the prism of deprivation and absolute approaches. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2014: 1: 36–49 (in Russ.). EDN: RZUCOB.

16. Uroven i profil bednosti v Rossii: ot 1990-h godov do nashikh dney [The level and profile of poverty in Russia: from the 1990s to the present day]. Ed. by L. N. Ovcharova. Moscow, VSHE, 2014: 35 (in Russ.).
17. Buttler F. What Determines Subjective Poverty? An Evaluation of the Link between Relative Income Poverty Measures and Subjective Economic Stress within the EU. Preprint of the DFG Research Unit «Horizontal Europeanization». Oldenburg, 2013.
18. Goedhart T., Halberstadt V. et al. The poverty line: concept and measurement. *Journal of human resources*, 1978: 12(4): 503–520. DOI: 10.2307/145372.
19. Jackman M. R., Jackman R. W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American sociological review*, 1973: 5(38): 569–582. DOI: 10.2307/2094408.
20. Mahmood T., Yu X., Klasen S. Do the poor really feel poor? Comparing objective poverty with subjective poverty in Pakistan. *Social Indicators Research*, 2019: 142: 543–580. DOI: 10.1007/s11205-018-1921-4.
21. Posel D., Rogan M. Measured as poor versus feeling poor: Comparing money-metric and subjective poverty rates in South Africa. *Journal of human development and capabilities*, 2016: 17(1): 55–73. DOI: 10.1080/19452829.2014.985198.
22. Ravallion M. Poor, or just feeling poor? On using subjective data in measuring poverty. *Happiness and economic growth*, 2014: November: 140–178. DOI: 10.1596/1813-9450-5968.
23. Rojas M. Experienced poverty and income poverty in Mexico: A subjective well-being approach. *World Development*, 2008: 36(6): 1078–1093. DOI: 10.1016/j.worlddev.2007.10.005.
24. Sipošné N. E. Subjective poverty and its relation to objective poverty concepts in Hungary. *Social Indicators Research*, 2011: 102: 537–556. DOI: 10.1007/s11205-010-9743-z.
25. Vos K., Garner T. I. An evaluation of subjective poverty definitions: Comparing results from the US and the Netherlands. *Review of Income and Wealth*, 1991: 37(3): 267–285. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1991.tb00371.x.
26. Wang H. et al. Poverty and subjective poverty in rural China. *Social Indicators Research*, 2020: 150: 219–242. DOI: 10.1007/s11205-020-02303-0.
27. Želinský T., Mysíková M., Garner T. I. Trends in subjective income poverty rates in the European Union. *The European Journal of Development Research*, 2022: 34(5): 2493–2516. DOI: 10.1057/s41287-021-00457-2.

The article was submitted on: May 27, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina V. Belopashentseva, Junior Researcher

Ekaterina D. Slobodenyuk, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

Svetlana V. Mareeva, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher